

Свой прежний верный клинок, Цзихуа, Лян Сюань умудрился потерять ещё сто лет назад. Бог весть, куда его занесло и в чьих руках он теперь покоится.

Однако, чтобы ворваться в логово тех двоих ублюдков, ему прямо сейчас требовалось приличное, удобное оружие.

Тем, кто выставил меч на кон, оказался чужеземец с тонкими, забавно торчащими усиками.

Хотя этот степняк и не был заклинателем, по превращённому в труху игорному столу он легко сообразил: сила этого незнакомца в белом — как минимум на пике Золотого Ядра. Давление, исходившее от противника, было столь невыносимым, что несчастный съёжился. Его плечи мелко дрожали, а сведённая судорогой рука с трудом поднялась, чтобы пальцами изобразить цифру «восемь».

Лян Сюань, и без того раздражённый, прикрикнул:

— Онемел, что ли? Рожай давай!

Степняк вздрогнул от испуга и заикаясь выдавил:

— Во... во... восемьсот!

Духовные камни делились на три ранга: третий — низший, первый — высший.

Восемьсот первоклассных камней — сумма колоссальная. На эти деньги можно было с потрохами выкупить целый город, да ещё и с прилегающими землями. Похоже, усач вовсе не был таким простаком, каким казался на первый взгляд. Впрочем, клинок, выкованный из глубинного тёмного железа, действительно стоил каждого потраченного камня.

Среди гробовой тишины Лян Сюань уверенным шагом подошёл к столу и вальяжно опустился на стул.

— Что ж, погнали. Если выигрываю я — забираю меч. Проигрываю — отдаю восемьсот камней и свою голову в придачу.

Шэнь Гумин, наблюдавший за этим балаганом, раздражённо буркнул:

— И на кой ему твоя башка? Не боишься, что он на неё задницей сядет и раздавит?

Лян Сюань расплылся в довольной ухмылке:

— Не лезь поперёк батьки, малец.

Чужеземец с подозрением оглядел его с ног до головы:

— А у тебя вообще есть восемьсот камней? Вдруг ты продуеть и пойдёшь на попятную?

В конце концов, этот тип даже на кувшин дешёвого вина раскошелиться не смог — сидел и цедил обычный кипяток!

— Ну, тогда считай, что тебе просто чертовски не повезло, — невозмутимо пожал плечами Лян Сюань.

Торговец онемел, не зная, что и ответить на такую наглость.

Шэнь Гумин решил, что это идеальный момент для побега, и попытался незаметно дать дёру. Но стоило ему развернуться, как по спине пробежал ледяной сквозняк. Чей-то пронизывающий до костей взгляд упёрся прямо между лопаток. Ноги мальчишки мгновенно налились свинцом, приковав его к месту.

Лян Сюань ласково позвал, поманив его пальцем, словно преданного щенка:

— Иди сюда, сладенький. Присядь к братику на колени.

Шэнь Гумин стиснул зубы. В этот момент он искренне хотел убивать.

Органы чувств у заклинателей развиты невероятно сильно. Что уж говорить о Лян Сюане, который находился всего в шаге от стадии Зарождающейся Души? Для него угадать сумму очков под костяным стаканчиком было так же просто, как решить задачу для первоклассника. Усачу не повезло родиться простым смертным. Конечно, у него оставалось полное право отказаться от этой заведомо нечестной игры. Но только если он горел желанием быть забитым до смерти прямо на месте.

Обольстительная Яньцзи взяла стаканчик и начала ритмично встряхивать кости. Исход игры был очевиден любому дураку, но напряжение в зале достигло такого предела, что тишина казалась осязаемой.

Лян Сюань лениво прислушивался к стуку костей, а вот бедный торговец уже всю обливался холодным потом, комкая в мокрых ладонях край халата.

Стаканчик со стуком опустился на деревянную поверхность. Лян Сюань поставил на большее, его соперник — на меньшее. Яньцзи одарила мужчин чарующей улыбкой и, пропев традиционное «ставки сделаны», подняла крышку.

Четвёрка, пятёрка, шестёрка. Больше.

Толпа зевак мгновенно взорвалась гулом.

Проигравший усач, вопреки ожиданиям, ничуть не расстроился. Напротив, на его лице отразилось искреннее облегчение. По крайней мере, голова осталась на плечах.

Лян Сюань подхватил выигранный меч и направился к выходу. Присутствующие решили, что на этом представление окончено, однако у самых дверей он неожиданно замер.

Дорогу ему преградили двое.

Самое забавное, что один из них тоже носил шляпу-вэймо с вуалью. Только угольно-чёрную. Они стояли друг напротив друга, удивительно напоминая Чёрного и Белого Стражей смерти из преисподней.

"Надо же, встретил брата по стилю"

Он намеревался уйти, но незнакомцы явно не собирались его пропускать. В конце концов Лян Сюань не выдержал:

— Хороший пёс дорогу не загораживает. Дайте пройти, а?

Спутница человека в чёрной шляпе мгновенно переменилась в лице. Она на треть обнажила клинок из ножен и яростно выпалила:

— Кого это ты назвал собакой, паршивец?! Язык совсем без костей?!

Девушка была облачена в алое платье. Её здоровая кожа цвета спелой пшеницы и крошечная родинка у самого уголка губ придавали ей диковатый, но чрезвычайно соблазнительный вид.

— Да ладно вам, что стряслось-то? — миролюбиво поинтересовался Лян Сюань. Заметив, как Шэнь Гумин пытается бочком проскользнуть мимо и скрыться в толпе, он ловко сцапал мальчишку за шкурку, словно плешивого цыплёнка. — Мне, между прочим, некогда. Тороплюсь отвезти сына к лекарю.

Шэнь Гумин задёргался, осыпая его проклятиями:

— Кто твой сын, убудок?! Отвали от меня, я тебя впервые вижу!

Лян Сюань мгновенно переменился в лице. Скорбь на его лице выглядела настолько

искренней, а в голосе задрожали рвущие душу слёзы, что любой сердобольный прохожий непременно разрыдался бы вместе с ним.

— Повредился рассудком, бедняжка, — запричитал он трагическим шёпотом. — Всё началось позапрошлой ночью... Пошёл в уборную, да оступился и полетел вниз головой прямо в выгребную яму. Ох, если бы вы только видели это зрелище! Душераздирающая картина! Вытащить-то мы его вытащили, жизнь спасли, но вот мозги дерьмом заплыли... Эх, увы и ах, тут и говорить нечего!

Он сокрушённо вздохнул и прижал руку к сердцу:

— Сами понимаете, родительское сердце не на месте. Веду дитяtko к доктору, пока совсем не зачумел. Вы ведь проявите каплю сострадания, верно?

"Какое, к чёрту, сострадание?!"

Шэнь Гумин от бессильной ярости едва не плакал.

Однако незнакомец в чёрной шляпе, похоже, проникся его историей. Он сочувственно кивнул:

— Вот оно как. Печальная судьба.

"Он реально поверил? — Шэнь Гумин готов был взвыть от абсурда. — Серьёзно?! У этого кретина мозгов ещё меньше, чем у моего похитителя?!"

— И всё же уйти вы не можете, — ровным тоном продолжил человек в чёрном. — Оставьте меч Цанлань и проваливайте на все четыре стороны.

Лян Сюань мгновенно вышел из роли несчастного отца. Услышав это невероятное название, он уставился на клинок в своей руке.

"Цанлань... Кажется, это меч главного героя. Но по канону книги он должен был получить его только после вступления в орден. Какого дьявола он делает в этом вертепе?"

При этой мысли Лян Сюань невольно скосил взгляд на зажатого под мышкой Шэнь Гумина. Мальчишка напоминал дикого, ошетинившегося кота: он смотрел с бешеной яростью, готовый в любой момент растерзать обидчика в клочья.

"Да и плевать. Канон этой недописанной писанины я изничтожил ещё век назад. Логично, что теперь сюжет хромает на обе ноги. Главное — помнить, что Небесное Дао костями ляжет, но защитит своего ненаглядного главного героя"

Лян Сюань прищурился и спросил оппонента:

— И зачем вам этот клинок?

"Жить надоело? На кой чёрт лезть грабить имбового персонажа? У него же сюжетная броня в три накала! Не бойтесь, что Небесное Дао на вас грозу навлечёт и в пепел сотрет?"

Человек в чёрном промолчал, но девица в красном ответила вместо него, высокомерно вскинув подбородок:

— Много будешь знать — скоро состаришься. Тебе это ведать не положено.

— И с какого тогда перепугу я должен вам его отдавать?

Заметив, что эти двое уже положили руки на эфесы и готовы обнажить оружие, Лян Сюань мгновенно сделал несколько быстрых шагов назад, возвращаясь под защиту стен игорного дома.

— Полно вам, господа! Что за дикость — сразу хвататься за сталь? Мы ведь цивилизованные люди, почему бы не решить всё любовно, без лишней крови?

Завсегдатаи и служащие «Ручья пришедшей луны» дружно лишились дара речи.

После недолгой паузы девица в алом возмущённо фыркнула:

— Какое ещё любовно?! А ну живо отдавай оружие, пока мы—

Мужчина в чёрном поднял руку, прерывая её на полуслове. По сравнению со своей вспыльчивой спутницей он держался на удивление спокойно и вежливо. Впрочем, Лян Сюань прекрасно знал: самые покладистые с виду люди обычно оказываются наиболее опасными противниками.

— И как же вы предлагаете договориться? — поинтересовался незнакомец.

Лян Сюань обвёл рукой помещение:

— Мы находимся в «Ручье пришедшей луны». Это игорный дом. Как думаете, какие здесь правила улаживания споров?

Намёк был более чем прозрачным. Вопрос предлагалось решить за игорным столом.

Они устроились друг напротив друга за свободным столом.

Шэнь Гумин сидел рядом, мрачнее тучи. Лян Сюань только что шёпотом пообещал переломать ему ноги, если тот сделает хоть одну попытку удрать до окончания партии, так что малец не смел даже шелохнуться, буравя похитителя испепеляющим взглядом.

Катать кости против столь сильного заклинателя не имело никакого смысла — оба могли без труда манипулировать результатом с помощью духовных чувств.

Немного подумав, Лян Сюань с лёгкой усмешкой предложил:

— Как насчёт карт?

Мужчина в чёрном на мгновение задумался, а затем с лёгким сомнением в голосе уточнил:

—... Те самые правила, которые когда-то оставил здесь великий мастер Вэйцы-цзюнь?

— Они самые, — подтвердил Лян Сюань.

Его оппонент замолчал.

Лян Сюань удивлённо приподнял бровь:

— Что-то не так?

— В таком случае, — сухо отозвался незнакомец, — вы обречены на поражение.

Лян Сюань искренне изумился.

"Это я-то проиграю?! Мне, признанному богу азарта, пророчат поражение в игре, которую я сам же и изобрёл?! Да я тебя даже с закрытыми глазами, сонный и в бреду, в порошок сотру!"

Правила оставались прежними: карты сдавала обольстительная Яньцзи, а Шэнь Гумин, девица в алом халате и несколько любопытных зевак затаив дыхание наблюдали со стороны.

Каждый взгляд в комнате был прикован к рубашкам карт, скользившим по сукну.

Получив веер карт, Лян Сюань неторопливо принялся раскладывать их по мастям, вальяжно покачивая ногой и мысленно празднуя триумф. Однако по мере того как он просматривал свои карты, его уверенность куда-то испарилась. К концу сортировки под белой вуалью вэймо

застыло выражение глубочайшего шока.

Какое проклятие навлекло на него эту чудовищную неудачу, оставалось загадкой. Карты в его руке выглядели так, словно их пожевала бродячая собака: сплошной разнобой, ни одной приличной комбинации, а самой сильной картой сиротливо красовался туз. Все козыри, включая джокеров и четыре двойки, безраздельно властвовали в руках соперника.

Судьба подсунула ему абсолютный, беспросветный мусор.

Лян Сюань мысленно воздел руки к небесам.

"Да вы издеваетесь. Я умываю руки..."

<http://bllate.org/book/18178/1747527>